

«Пассажирка» и капитан

Чтобы отправить в «путешествие без паспорта» эту оперу, Тадэуш Штрасбергер получил когда-то образование... инженера-электрика

Ирина КЛЕПИКОВА

Два года назад он дебютировал в России постановкой оперы «Сатяграха» в Екатеринбургском театре оперы и балета. И в оперном мире это было как открытие шлюзов. С реальными героями, Индией мудреца Ганди, на сцену пришло страстное осмысление проблем сегодняшнего мира. Традиционная развлекательность оперы уступила место публицистике. Новая постановка британского режиссёра на Урале ещё острее по контексту: в зрительном зале будут свидетели той недавней истории, события которой развернутся на сцене.

В Освенциме был даже... оркестр

— Первое, что увидит публика на премьере, — говорит Тадэуш, — занавес, ничем не напоминающий классический оперный. Может показаться, что на нём — абстрактная картина, на самом деле это фотография, которую я сделал внутри газовой камеры в Освенциме, чтобы зрители смогли представить себе, что видели и чувствовали люди в последние минуты перед смертью.

— В какой момент родилась эта пронзительная идея: занавес — документальное фото как эпиграф к спектаклю?

— Это не было одномоментным озарением. Я продолжал собирать, накапливать материал. Фотографировал. Потом разместил все фотографии (лучи Освенцима, штукатурка, какие-то металлические детали) в своей мастерской, на стене. И неделю пятьдесят просто смотрел на них — переживал, сомневался. Понял, что это визуальная часть постановки, которая должна выразиться в макете. Но даже на макете было несколько вариантов занавеса. И по мере того как ты смотришь на них, всплывает наконец тот вариант, который больше всего устраивает. Точнее всего выражает идею. Извините за бытие может, некорректное сравнение, но это похоже на выбор в магазине: «твой» вариант сам к тебе потянется.

— Вы общались в Польше с Зофией Посмыш, автором радиопьесы и повести «Пассажирка из каюты 45», на основе которой написано либретто оперы. Для режиссёра — редчайший опыт, поскольку Посмыш — не просто писатель...

— ... а человек, переживший Освенцим и свою встречу с прошлым. Именно она однажды, на шумной улице послевоенной Польши, услышала голос надзирательницы из Освенцима... С Посмыш, которой 93 года, много интервью. Поэтому, когда я встречался с ней, она уже не была для меня незнакомкой. А за два часа разговора мы и вовсе сблизились. Я спросил её о постановках «Пассажирки» во Вроцлаве, в одном из театров Австрии — чего не учли те постановщики, что потерялось из её истории? Рассказав о своей идее, поинтересовался её мнением: «работает ли? Она дала полную свободу действий, всё раз подчеркнул: — она не считает себя «полновластным владельцем истории». Такое могло случиться с любым другим узником концлагеря. И если эта история развивается, люди узнают о ней, что-то привносят, дополняют — она удовлетворена.

— Жуткая деталь, о которой вы однажды рассказывали, — в Освенциме был даже оркестр! А на въезде в концлагерь — надпись «Труд освобождает». Это такой особый цинизм?

— Сделано это было для Красного Креста, который периодически проверял, соблюдают ли права человека (?!) в концентрационном лагере. Такое было не только в Освенциме, но, например, и в Терезиуме в Чехословакии. Вообще, в истории человечества музыка часто использовалась в каких-то утешительных ситуациях. Даже американский джаз корнями своим из рабского прошлого... Работая над «Пассажижкой», узнал историю одного композитора, который погиб в концлагере. Он поставил

Тадэуш Штрасбергер (в центре) провёл в Освенциме несколько дней, после чего решил: не надо создавать в спектакле точной визуальной копии концлагеря. «Инженерной» задачей стало — найти способ воссоздать атмосферу. Сначала он пробыл это в своей студии в Лондоне, теперь — на сцене Екатеринбургского оперного

там несколько музыкальных представлений, которые исполняли заключённые, в том числе дети. Опера называлась «Wunderbar» — «Чудесно». Детская история, детский хор. В концлагере! Но это уже другая миссия музыки. Люди через музыку рассказывали о своих страданиях.

— У некоторых режиссёров — жёсткая установка на видение спектакля. Придумать — и уже ни на шаг не отступать. Мы встретились с вами в конце минувшего сезона. Прошло лето. Что-то изменилось, если не в концепции, то в деталях спектакля?

— Интересный вопрос. Режиссура — процесс ненормированный. Ты всё время работаешь — со светом, с матерьялами. Но потом всё откладываете и начинаешь работать с актёрами. С настоящим «материалом» режиссёра. Последней моей постановкой была мировая премьера оперы «FK» Литтла. Это было как раз летом. Мы погрузились в иной мир. И очень хорошо: к «Пассажирке» я вернулся отдохнувшим. Всё время думать об Освенциме, о назиме — тяжело, необходимо на время откладывать эти тяжёлые размышления. Знаете, Вита Рыжук, дизайнер по костюмам на этом спектакле, говорит: «Я не могу читать об Освенциме в той комнате, где сплю». Она вообще не может работать над этим материалом в закрытом пространстве.

Что касается идей — да, продолжал выбирать более выразительные, точные. Например, была мысль в эпизоде Освенцима на сцене идёт снег. Исторически оправданно: в Польше такой же климат, что и в России — холодную большую часть года. По первоначальной задумке холод должен был воплотиться через снег. Когда же увидел идею воплощённой — понял: слишком романтично. А Освенцим — не то место, где должны возникнуть ассоциации Нового года, умиротворённости и сантиментов. Мне нужны другие эмоции в зрительях. Через рампу должно выплскиваться чувство неудовольствия, униженности. Значит, холод надо передать иными, более агрессивными средствами. Впрочем, ещё многое в процессе...

«Я ходил в театры по чужим билетам»

— Со времён «Летучего голландца» корабль на сцене — большая проблема: как его изобразить? Но помню — вы оговорились, что в случае с «Пассажижкой» проблема обернулась достоинством. Родилась мысль о контрасте: море — это свобода, корабль — замкнутое пространство, где люди «заблокированы». Над оперой вы работаете ещё и как сценарист. У вас есть образование режиссёрское, вам не хватает художественного образования, и вы пошли ещё в одну сторону?

— Я вообще-то не режиссёр.

— ?!

— Да-да, у меня техническое образование. Я инженер-электрик. В юности мне повеселилось получить грант на бесплатное обучение в университете. Четыре года я жил в Нью-Йорке (а сам я из маленького городка). И мне неважно было, для чего, в какой области дан грант. Важно было, что благодаря этому появился шанс жить в мегаполисе — общаться, узнавать, видеть. За четыре года в Нью-Йорке я посмотрел сотни постановок в разных театрах. Денег на билеты в театр грант, естественно, не предусматривал. Поэтому обычно я дожидался первого антракта в театре, и когда видел, что кто-то покидает спектакль (надо домой, рано вставать), — я подходил и просил билет. В силу этого у меня всегда были хорошие места — в партере или в ложе. Зато потом нередко случалось такое: смотрю спектакль и вдруг понимаю — о, это же опера, которую я видел, так вот как она начинается, а я и не знал. В мировом оперном репертуаре я знаю про многие оперы — как они заканчиваются, а вот как начинаются — иногда большой вопрос (смеётся).

— «Пассажирку» ставили в ряде стран, были концертные версии оперы в России. Как режиссёр смотрите чужую интерпретацию или...

— Я посмотрел кусочки всех постановок, что есть в открытом доступе. Скорее хочется не увидеть, а услышать, что делают коллеги. Понять, как распределяется время в ходе спектакля, уловить акценты. Смотреть чужое перед собственной постановкой очень опасно. Будет довлеть, мешать. Мало кто из режиссёров смотрит работы коллег. Из той же бозани.

— Редчайший случай, когда опера основана на реальных событиях. Соотношение документальности и театра в данном случае? Многие солисты говорят: «У нас ощущение, будто мы делаем фильм».

— Надеюсь, это свидетельство правдоподобности происходящего. Хуже, когда кое-кто из молодых делал вначале мизансцены очень по-оперному. Это вызывало улыбку. Однажды я спросил: «Тебе всего двадцать с небольшим. Откуда ты взял эти штампы? Кто тебя научил делать эти «оперные штучки»? Заставляю их перестать делать эти нелепости. Всё время повторяю: сначала мысль, потом — слова, потом — действие. Если артист думающий — ничего опереточного, нелепого не появится. Россия — страна, где родился Станиславский. Именно здесь зародилась мысль о естественном поведении на сцене. И именно русская театральная школа признана во всём мире. Так, может, не стоит всё время ориентироваться на Запад? Может, к идею почаще приносить иностранцев, чтоб напоминали о ценности «русского стиля» в театре?

— Поскольку вы работаете в разных странах, можете сказать, чего сегодня больше в оперном мире — современных постановок или классики?

— Зависит от места. Америка очень консервативна и классична. Из-за спонсоров. Театры Америки не финансируются государством, они сами ищут деньги на постановку. Поэтому тут больше маркетинга. Спонсоры, богатые и пожилые — у них же более консервативные пристрастия. Они не хотят «врать» себе сердце» авангардными актуальными историями. Собрать с друзьями пять миллионов долларов на театральную постановку и получить в результате что-то социальное-критическое — нет, это не для них! Ты же как режиссёр в данном случае ощущаешь пристрастия тех, кто финансирует спектакль, которые могут сравниться с целым городом. И там были сотни тысяч зрителей. Уничтожение людей было индустриально организовано. Пока не увидишь масштабов — невозможно прочувствовать, что такое Холокост.

— В Германии иная ситуация. Театры финансируются государством, поэтому все считается обязательным поставить что-то политическое, броское внешне, но — не затрагивающее сердце. В русском же театре (внимательно слежу за его репертуаром) очень сильна традиция XIX века. Это музыка, затрагивающая душу... Возможно, нужно больше постановок русских режиссёров в Европе, а европейских — здесь. Тогда был бы обмен идеями. В открытом пространстве. Идеальный вариант партнёрства — Пушкинский музей или Эрмитаж, где мировое изобразительное искусство представлено произведениями россиян и европейцев.

— У абсолютного большинства будущих зрителей «Пассажирки» перевёрнутое восприятие творчества её автора — польского и русского композитора Моисея Вайнберга. Сначала мы узнали об опере. Потом оказалось: Вайнберг написал музыку к стольким фильмам — «Летят журавли», «Кроткий тигр», «Последний дюйм», «Тегеран-43», «Афоня», «Гиперболоид инженера Гарина». Даже сочинил знаменитую песенку Винни-Пуха «Кто ходит в гости по утрам...!» Знаем, любим. Но относительно автора было полное неведение. А у вас?

— С советскими фильмами, к сожалению, вообще не знаком. Я был поражён другим: параллельно с музыкой высокого жанра Вайнберг писал и для цирка. Шлягеры, популярные мотивники. Жаль, большинство этой музыки утрачено: композитор писал её для разовых представлений и не думал публиковать, сохранять. Но эта цирковая музыка помогла мне как режиссёру понять многое: Вайнберг знал, как создать музыкальную поддержку циркового представления, как держать напряжение, как подготовить публику к тому, что произойдёт взрыв, кульминация. В «Пассажирке» же нет вообще эмоциональных пауз. Каждый (!) момент драматичен, каждая секунда.

— Слышала, во время репетиций, в сценах Освенцима, актёры доходят до реальных слёз. То же случается и в цехах, где шьётся одежда узников: за каждым — своя страшная судьба...

— Конечно, в школе я проходил, что такое Холокост, читал об этом, смотрел фильмы, фотографии. И думал, что знаю многое. Но посещение Освенцима сильно изменило мои представления. На фотографиях видны лишь отдельные фрагменты — невозможно составить полную картину. В Освенциме я увидел пространство, которые могут сравниться с целым городом. И там были сотни тысяч зрителей. Уничтожение людей было индустриально организовано. Пока не увидишь масштабов — невозможно прочувствовать, что такое Холокост.

— Мне кажется, это история не о том, что случилось после войны, а о том, что произошло до. Сама история — не путешествие на теплоходе из Германии в Бразилию, а путешествие по своему внутреннему миру. С вопросом — что ты за человек? Как случилось, что Лиза стала надзирательницей, виновной в смерти тысяч людей? Очень просто сказать: такие люди были чудовищами, монстрами. Но как они стали такими? Каковы инструменты манипуляции людьми? Как крупный зла, множась многократно, становятся глыбой, катастрофой? Думаю, вопрос актуален и сейчас — когда мы размышляем о войне, международных конфликтах, терроризме.

— Холокост не наступает внезапно. Наши героини, Марта и Лиза, когда-то были похожи — девушки с листовками, увлечённые политическими настроениями, каждая выполняла свой долг, и может быть, разрывавшись всего лишь на градус друг от друга, они вдруг оказались на противоположных полюсах.

— Культура — не то, с чем мы рождаемся в ДНК, а то, что приобретаем. Единственная моя задача, будь то «Пассажирка» или «Евгений Онегин», — показать музыку так, чтобы она тронула, вызвала любопытство. В идеале — вошла в генетический код

— Зофию Посмыш критиковали за то, что опера «недостаточно еврейская»: были убиты шесть миллионов евреев. Но она рассказывала только свою собственную историю. Она была студенткой, и её отправили в Освенцим за статьи против оккупации немцами Польши. О многом, подчеркивала Посмыш, что она знает о войне, она узнала уже после. У нас же это знание есть...

— Не хочу давать скучать — ни себе, ни зрителям. Задача — создать объёмное пространство, трёхмерное, чтобы зрители даже не вспоминая: а что там дома, а что будет на ужин? Должно получиться такое путешествие без паспорта

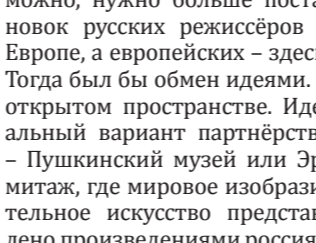
— В «Пассажирке» есть тема одиночества. Как в «Сталкере» у Тарковского. Я познакомился с его творчеством в университете: ходил на разные фестивали. И однажды о. Тарковский — это интересно... А 20 лет спустя, когда ты работаешь над «Пассажижкой», вдруг возникает воспоминание, аналогия. И ты лезешь в YouTube, пересматриваешь DVD, чтобы понять — а ты не сошёл с ума: многое так похоже

Ольга КЕРПЕЛЮК

— В «Пассажирке» — очень противоречивая история. Построение сходно с «Сатяграхой»: нет по порядку выстроенной истории. Есть комбинация эпизодов. Публике придётся думать, интерпретировать. Как и в «Сатяграхе», я хочу сделать спектакль, на который публике захочется прийти во второй и в третий раз

— Парой слов

АЛЕКСЕЙ КУНИЦОВ

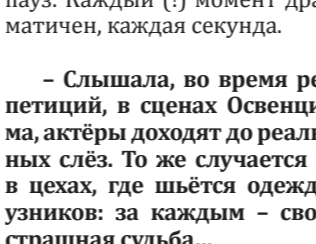
— Культура — не то, с чем мы рождаемся в ДНК, а то, что приобретаем. Единственная моя задача, будь то «Пассажирка» или «Евгений Онегин», — показать музыку так, чтобы она тронула, вызвала любопытство. В идеале — вошла в генетический код

— Зофию Посмыш критиковали за то, что опера «недостаточно еврейская»: были убиты шесть миллионов евреев. Но она рассказывала только свою собственную историю. Она была студенткой, и её отправили в Освенцим за статьи против оккупации немцами Польши. О многом, подчеркивала Посмыш, что она знает о войне, она узнала уже после. У нас же это знание есть...

— Не хочу давать скучать — ни себе, ни зрителям. Задача — создать объёмное пространство, трёхмерное, чтобы зрители даже не вспоминая: а что там дома, а что будет на ужин? Должно получиться такое путешествие без паспорта

— В «Пассажирке» есть тема одиночества. Как в «Сталкере» у Тарковского. Я познакомился с его творчеством в университете: ходил на разные фестивали. И однажды о. Тарковский — это интересно... А 20 лет спустя, когда ты работаешь над «Пассажижкой», вдруг возникает воспоминание, аналогия. И ты лезешь в YouTube, пересматриваешь DVD, чтобы понять — а ты не сошёл с ума: многое так похоже

— Парой слов

ОЛЬГА КЕРПЕЛЮК

— Культура — не то, с чем мы рождаемся в ДНК, а то, что приобретаем. Единственная моя задача, будь то «Пассажирка» или «Евгений Онегин», — показать музыку так, чтобы она тронула, вызвала любопытство. В идеале — вошла в генетический код

— Зофию Посмыш критиковали за то, что опера «недостаточно еврейская»: были убиты шесть миллионов евреев. Но она рассказывала только свою собственную историю. Она была студенткой, и её отправили в Освенцим за статьи против оккупации немцами Польши. О многом, подчеркивала Посмыш, что она знает о войне, она узнала уже после. У нас же это знание есть...

— Не хочу давать скучать — ни себе, ни зрителям. Задача — создать объёмное пространство, трёхмерное, чтобы зрители даже не вспоминая: а что там дома, а что будет на ужин? Должно получиться такое путешествие без паспорта